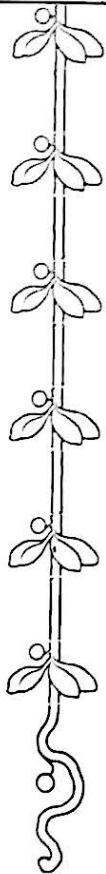

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Мои воспоминанія.

Вотъ передо мной письмо. Оно давнишнее, помѣчено оно: 17-го янв. Лопасня, Московской губ., и кончается оно такъ:

„Почему вы назвали меня гордымъ мастеромъ? Горды только индюки. Гордому мастеру чертовски холодно. Морозъ 20°.

Вашъ А. Чеховъ“.

Р. С. Я сегодня именинникъ, и все-таки мнѣ скучно“.

Когда-то я читала это письмо и смѣялась. Но какъ грустно читать его теперь, спустя 15 лѣтъ, когда этому „имениннику“ уже не можетъ быть ни тепло, ни холодно, ни весело, ни скучно.

Назвать его гордымъ мастеромъ было далеко не остроумно, но такъ уже случилось, что я написала ему на своей книгѣ „гордому мастеру отъ скромнаго подмастерья“.

А ему вздумалось звать меня „матушкой“, и, когда я спрашивала у него объясненія, онъ только смѣялся. И звалъ онъ меня такъ не только шутя, но и тогда, когда писалъ или говорилъ серьезно.

„О, если бы вы знали, матушка, какъ не вяжется съ моимъ сознаниемъ, съ моимъ достоинствомъ литератора это учрежденіе — судъ чести! (при союзѣ писателей). Наше ли дѣло судить? Вѣдь это дѣло жандармовъ, полицейскихъ, чиновниковъ, специально къ тому судьбой предназначенныхъ. Наше дѣло писать и только писать. Если воевать, возмущаться, судить, то только перомъ. Впрочемъ, вы — петербуржца, вы не согласитесь со мной ни въ чемъ, — ужъ такая моя судьба“.

Съ Антономъ Павловичемъ я познакомилась въ началѣ 1889 г., когда онъ прїѣзжалъ въ Петербургъ ставить „Иванова“. Онъ сильно волновался, нервничалъ и чувствовалъ себя нездоровымъ. У него уже тогда показывалась горломъ кровь.

На успѣхъ „Иванова“ онъ, кажется, не надѣялся, а успѣхъ какъ разъ былъ громадный, шумный, блестящій. Полная противоположность „успѣху“ „Чайки“ на той же Александринской сценѣ, когда на первомъ представленіи завсегдатаи партера выражали свои чувства смѣхомъ и даже шиканьемъ. Спектакль еще не кончился, когда я узнала, что Чеховъ „бѣжалъ“ изъ театра и отправился прямо на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Москву. Это первое представленіе „Чайки“ памятно мнѣ по чувству возмущенія, которое вызвало во мнѣ поведеніе „публики“, и еще изъ-за одной подробности, такой милой, изящной, что я не могу о ней не упомянуть.

За нѣкоторое время до представленія „Чайки“ въ Суворинскомъ театрѣ былъ балъ-маскарадъ. Я была въ домино и маскѣ и, встрѣтивъ въ толпѣ Антона Павловича, подѣла свою руку подъ его руку и стала его „интриговать“.

— Скажи мнѣ, — приставала я, — тебѣ еще нравится X? Я назвала фамилію одной дамы. Онъ засмѣялся.

— Ты не особенно ловка, — сказалъ Чеховъ, — и твои вопросы слишкомъ прямы. Вѣдь я узналъ тебя. Ты сама X.

— Но если я X, то скажи мнѣ, нравлюсь ли я еще тебѣ.

— Нѣтъ, для этого я недостаточно увѣренъ, что ты X.

— Хочешь пить? — спросилъ онъ, когда мы проходили больше часу. И онъ провелъ меня въ аванъ-ложу, гдѣ стояла бутылка съ шампанскимъ и бокалы.

— Отвернись, — попросила я, — а я сниму маску, мнѣ слишкомъ жарко.

— Ты ни за что не хочешь, чтобы я видѣлъ тебя?

— Ни за что!

— Ну, если такъ, мнѣ придется посидѣть въ ложѣ, пока ты будешь безъ маски.

И онъ сидѣлъ въ ложѣ. А я не сняла маску, потому что не вѣрила, что онъ не будетъ подсматривать, и подсматривала за нимъ сама, и убѣдилась, что онъ ни разу не повернулся, пока я не позвала его. Мнѣ даже стало досадно.

— Однако ты не любопытенъ,— сказала я.— Это ужасно скучно! Я была увѣрена, что ты будешь смотрѣть, и даже не сняла маски.

— Почему же ты думала, что мнѣ нельзя вѣрить?— спросилъ онъ.— А вотъ я повѣрилъ твоему „ни за что“. Впрочемъ, я навѣрно знаю, кто ты.

— Ну, скажи.

— Нѣтъ, я не скажу, а отвѣчу тебѣ... Онъ остановился и засмѣялся.

— Ты знаешь, что скоро пойдетъ моя пьеса „Чайка“?

— Какое красивое названіе, „Чайка“!

— Да, да! Правда? Красиво? Такъ вотъ она скоро пойдетъ. Тогда я тебѣ отвѣчу! Помни!

И вотъ „Чайка“ пошла, и ее осмѣяли и освистали, и Чеховъ „бѣжалъ“... Но когда на сценѣ Нина дарила Тригорину медальонъ, и онъ нѣсколько разъ повторилъ: „121-я стран., 11 и 12-я строки“, у меня вдругъ блеснула догадка. Вернувшись домой, я съ лихорадочной поспѣшностью отыскала сборникъ своихъ разсказовъ, который я какъ-то послала Антону Павловичу, открыла его на страницѣ 121-й, отсчитала 11-ю строку и прочла: „Молодымъ дѣвушкамъ на маскарадахъ бывать не принято“. Несомнѣнно, это былъ отвѣтъ! И несомнѣнно, это было „хорошо“, изящно, интересно.

Я знала Чехова и переписывалась съ нимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, но видѣла его сравнительно мало. И вотъ та особенность, которая всегда поражала меня и въ его письмахъ и въ его разговорахъ: это— необычайная мягкость, переливчатость тона, музыкальные переходы изъ одного настроенія въ другое,— отъ глубокой грусти къ самому искреннему смѣху. Его слова и въ особенности его письма всегда были именно музыкальны, дѣлали настроеніе, оставляли такое впечатлѣніе, какъ будто съ звукомъ его голоса, съ подписью его письма замирала послѣдняя нота волшебнаго смычка, который, даже шутя, умѣлъ извлекать захватывающіе душу звуки, всегда чарующіе, всегда сложные, несмотря на простоту. Никогда онъ не былъ веселъ безъ оттенка грусти и никогда не былъ грустенъ безъ проблеска веселья.

„Какая польза изъ того, что я умѣю жить, если я все время въ отъѣздѣ, точно въ ссылкѣ? Я тотъ, что по Гороховой шель, а гороху не нашель: я былъ свободенъ и

не зналъ свободы, былъ литераторомъ и проводилъ свою жизнь поневолѣ не съ литераторами...

„Беллетристъ Иванъ Щегловъ называетъ меня Потемкинскимъ. Если я Потемкинъ, то зачѣмъ я въ Ялтѣ, зачѣмъ здѣсь такъ ужасно скучно? Идетъ снѣгъ, метель, въ окна дуетъ, огъ печки идетъ жаръ, писать не хочется вовсе, и я ничего не пишу“...

На эту „ссылку“ Антонъ Павловичъ жаловался очень часто.

„Я поѣду въ Крымъ, потомъ на Кавказъ, и когда тамъ станетъ холодно, поѣду, вѣроятно, куда-нибудь за границу.“

„Уѣзжать мнѣ ужасно не хочется. При одной мысли, что я долженъ уѣхать, у меня опускаются руки и нѣтъ охоты работать. Мнѣ кажется, что если бы эту зиму я провелъ въ Москвѣ или Петербургѣ и жилъ бы въ хорошей квартирѣ, то совсѣмъ бы выздоровѣлъ, а главное, работалъ бы такъ (т.е. писалъ бы), что, извините за выраженіе, чертямъ бы тошно стало. Это скитальческое существованіе, да еще въ зимнее время, — зима за границей отвратительна, — совсѣмъ выбило меня изъ колеи“.

Антонъ Павловичъ особенно любилъ Москву, а мое свиданіе съ нимъ въ Москвѣ оставило во мнѣ такое неизгладимое и грустное воспоминаніе, что именно на немъ я хочу остановиться въ этихъ отрывочныхъ запискахъ.

Это было въ 1897 г. „Сердитая Л. А., — написалъ мнѣ Чеховъ, — мнѣ очень хочется повидаться съ вами, несмотря на то, что вы желаете мнѣ всего хорошаго „во всякомъ случаѣ“. Я приѣду въ Москву до 26-го марта“...

Я тогда была въ Москвѣ и, конечно, очень обрадовалась его приѣзду. Приѣхать онъ долженъ былъ изъ Лопасни и рѣшилъ это такъ твердо, что прибавлялъ: „Только болѣзнь можетъ задержать меня“.

Но болѣзнь его не задержала, и посыльный изъ „Большой Московской“ гостиницы принесъ мнѣ радостную вѣсть:

„Я приѣхалъ въ Москву раньше, чѣмъ предполагалъ. Погода туманная, промозглая, а я немного нездоровъ, буду старательно сидѣть дома. Не найдете ли вы возможнымъ побывать у меня, не дожидаясь моего визита къ вамъ?“

Эту записку я получила вечеромъ 23-го марта и сейчасъ же поѣхала въ гостиницу. Къ моему большому удивленію, Антона Павловича не оказалось дома.

— Приѣхали и уѣхали, — заявилъ мнѣ швейцарь. — Кажется, назадъ, въ имѣніе, уѣхали.

— Но онъ писалъ мнѣ сегодня, что онъ нездоровъ, что онъ не будетъ выходить.

— А ежели написалъ, то, значить, имъ такъ нужно было.

Мнѣ показалось, что швейцаръ почему-то скрываетъ, что Антонъ Павловичъ дома, и, можетъ-быть, исполняетъ приказаніе Чехова.

— Дома ихъ нѣтъ,—настаивалъ швейцаръ,—со вчерашняго дня не были. И не ночевали.

Въ полномъ недоумѣннн я вернулась домой. Я ждала какого-нибудь объясненія, письма или телеграммы, но прошла весь слѣдующій день, и отъ Антона Павловича не было никакихъ вѣстей.

25-го я попросила одного знакомаго зайти въ „Большую Московскую“ и узнать, не вернулся ли Чеховъ, и одновременно я получила два послѣдовательныхъ извѣщенія: записку отъ Антона Павловича:

„Вотъ вамъ мое преступное curriculum vitae: въ ночь подъ субботу я сталъ плевать кровью. Утромъ поѣхалъ въ Москву. Въ 6 час. поѣхалъ съ Суворинымъ въ Эрмитажъ обѣдать, и едва сѣлъ за столъ, какъ у меня кровь пошла горломъ форменнымъ образомъ. Затѣмъ Суворинъ повезъ меня въ Славянскій Базаръ; доктора; пролежалъ я болѣе сутокъ — и теперь дома, т.-е. въ „Большой Московской гостиницѣ“.

Мой знакомый пришелъ мнѣ сказать, что Чехова въ гостиницѣ уже нѣтъ, что онъ перевезенъ на Дѣвичье Поле, въ клинику Остроумова. Я поѣхала въ клинику, и послѣ нѣкоторыхъ затрудненій меня все-таки допустили къ Антону Павловичу.

Онъ лежалъ въ постели на спинѣ, на высоко поднятыхъ подушкахъ. Говорить ему было запрещено. Я помню, что на немъ была синяя рубашка. Сидѣть мнѣ позволили у него не больше трехъ минутъ. Чтобы не просрочить, я взяла со стола его серебряные часы, но Чеховъ молча, улыбаясь, отнял ихъ у меня, закрылъ и положилъ обратно.

— Принесите мнѣ завтра изъ редакціи *Русской Мысли* корректуру, спросите у Гольцева, — попросилъ Чеховъ. — Придите въ четыре часа.

Я испугалась, что онъ слишкомъ много говорить.

— И еще что-нибудь... — шопотомъ прибавилъ Антонъ Павловичъ. — Принесите еще что-нибудь.

Вошелъ докторъ и разсердился, что онъ говоритъ и что я пробыла дольше трехъ минутъ.

На другой день я пошла въ редакцію и долго сидѣла у В. А. Гольцева. Мы говорили объ Антонѣ Павловичѣ, и на глазахъ В. А., казалось мнѣ, нѣсколько разъ навертывались слезы.

Корректуръ мнѣ не дали, потому что, кажется, ее уже отослали.

— Но онъ сказалъ мнѣ принести ему еще что-нибудь, — сказала я В. А. — Что ему принести? Какъ вы думаете? Посоветуйте, Бога ради.

— Книгъ, должно-быть, догадывался Викторъ Александровичъ.

— Какихъ книгъ, — не знаю.

До четырехъ было еще много времени. Я пошла на Москву-рѣку, остановилась на мосту и стала глядѣть внизъ. Было 26-е марта, но весна выдалась ранняя, и день былъ теплый, солнечный, настоящій весенній, яркий, радостный день. Рѣка только что вскрылась, и во всю ея ширину плыли громоздкія льдины, темныя и мрачныя въ непривѣтливой, еще неуспокоенной водѣ. Я какъ сейчасъ помню и эту воду, и голубое радостное небо, и грохотъ колесъ по мостовой, и необычайную пестроту красокъ Замоскворѣчья... Вся Москва показалась мнѣ такой ликующей и праздничной! А между тѣмъ въ этой Москвѣ умиралъ Чеховъ. Ликованіе, праздничность—и смерть Чехова! Голубое весеннее небо—и смерть Чехова! Чеховъ такъ любитъ Москву! Какъ же можетъ эта ликующая Москва допустить смерть Чехова?

И почему-то у меня вдругъ появилась глубокая радостная увѣренность, что Чеховъ не умретъ, что кто-то этого не допустить.

Я зашла къ знакомымъ и взяла всѣ неизданныя рукописныя сочиненія Л. Н. Толстого, которыя оказались налицо.

Я знала, какъ Антонъ Павловичъ любитъ Толстого. Мнѣ тогда же вспомнилась фраза изъ его письма: „Я хорошо знаю Л. Н., понимаю каждое движеніе его бровей, и я люблю его“.

Потомъ я зашла и купила пучокъ цвѣтовъ. Мнѣ хотѣлось внести къ Антону Павловичу, въ его маленькую комнату, хотя незначительную частичку весны, солнца, радости и ликованія, которыя казались мнѣ такимъ вѣрнымъ

залогомъ того, что онъ долженъ былъ выздоровѣть и поправиться.

Въ клиникѣ я узнала, что ему не лучше.

— Я могу разрѣшить не больше двухъ минутъ,—строго сказалъ мнѣ докторъ и шелкнулъ крышкой своихъ часовъ.— Вчера вы пробыли дольше, чѣмъ полагалось.

Онъ не замѣтилъ, что я принесла цвѣтовъ, иначе онъ конфисковалъ бы ихъ.

— Это нельзя,—слабо сказалъ Чеховъ и улыбнулся, и взялъ мой пучокъ двумя руками.—Но я не отдамъ. Я такъ люблю ландыши.

— Да, здѣсь и ландыши,—ужасно раскаиваясь въ томъ, что я сдѣлала то, что „нельзя“, и ужасно радуясь, что я принесла ландышей, сказала я.—И вотъ Толстой... новое... неизданное. Вы сказали „что-нибудь“... Я догадывалась, мучилась...

Антонъ Павловичъ опять улыбнулся.

Онъ проглядѣлъ принесенныя рукописи и утомленно закрылъ глаза.

— Все читалъ,—прошепталъ онъ.—Я вамъ очень, очень благодаренъ. Я васъ просилъ еще что-нибудь... ваше.

Мнѣ стало такъ больно отъ благодарности, отъ измученнаго выраженія его лица, отъ этой безконечной доброты, которую я всегда чувствовала въ немъ, отъ его желанія сказать что-нибудь приятное, когда ему не могло быть дѣла ни до кого, кромѣ себя.

Онъ что-то прошепталъ, и я не разслышала, и близко наклонилась къ его лицу.

— Вы сегодня похожи на гастролершу,—повторилъ онъ и засмѣялся.

Я поняла, что ему хотѣлось пошутить, оставить „веселое“ впечатлѣнiе.

Съ этимъ „веселымъ“ впечатлѣнiемъ я уѣхала въ Петербургъ. 28-го марта Чеховъ написалъ мнѣ: „Ваши цвѣты не вянутъ... Коллеги разрѣшили мнѣ держать ихъ на столѣ... Отсюда меня выпустятъ не раньше Пасхи. Мнѣ легче, крови меньше, пишу лежа“.

Теперь Антонъ Павловичъ дальше клиники, на кладбищѣ монастыря. Вокругъ его памятника рѣшетка, и входъ на замкѣ. Но рядомъ есть скамеечка, и тамъ можно посидѣть

и отдохнуть. Нигдѣ не думается такъ хорошо, спокойно и безстрашно, какъ на кладбищѣ.

Почему-то именно такъ я люблю вспоминать послѣднее письмо Антона Павловича изъ Москвы 14-го февраля 1904 г.

„Простите, я замерзъ, только что вернулся изъ Царицына (ѣхалъ на извозчикѣ, такъ какъ не идутъ поѣзда, что-то тамъ сошло съ рельсовъ), рука плохо пишетъ, да и укладываться нужно. Всего, всего хорошаго, главное будьте веселы, смотрите на жизнь не такъ замысловато; возможно на самомъ дѣлѣ, она гораздо проще. Да и заслуживаетъ ли она, жизнь, которой мы не знаемъ, всѣхъ мучительныхъ размышленій, на которыхъ изнашивается нашъ россійскій умъ,—это еще вопросъ“...

Въ этомъ письмѣ уже нѣтъ тѣни радости, веселости. Это писалъ уже не Чеховъ-Потемкинъ, а тотъ большой, скорбный человѣкъ, который быстрыми шагами уже приближался къ могилѣ.

Разрѣшилъ ли онъ свой вопросъ?

Но „въ этой жизни, которой мы не знаемъ“, его долго-долго будутъ любить и какъ писателя и какъ человѣка.

Л. Авилова.

